С тех пор началась рутина. Учеба, тренировки и выходные дни. Бывали они тогда, когда пьяный мастер уходил в запой. Медленно, но верно я совершенствовался.

В половине своего тринадцатилетия уже можно было подметить отличия в теле. Я рос, плечи становились шире, мышцы прибывали. С глефой становилось управляться проще. К сожалению, тренировки Рия не становились легче.

Будто подмечая малейшее изменения моего тела, он менял тренировки. Сила, гибкость, скорость. Если бы где-то в мире существовала страна в которой делают воинов из детей, то я бы чувствовал там себя своим. Вола доставалось не меньше. Рий не делал поблажек.

Приятным моментом стали спарринги. Сначала мы сражались в рукопашную. В первом спарринге мне было неудобно наносить удар девушке, но после хорошего девичьего удара в солнечное сплетение я пересмотрел свое отношение. Спустя время добавилась легкая кожаная броня и макеты оружий. Глефа против двух мечей. Большой радиус атаки против большого выбора комбинаций для нападения.

Еще позже Рий заставил нас сменить оружие. В качестве дополнительного вооружения были выбраны: парные обоюдоострые мечи для меня и боевые кинжалы для Вола. С этим наш репертуар повысился. Теперь я мог вступить в ближний бой, сменив глефу на мечи, а Вола могла войти в тесный контакт с противником, используя приемы рукопашного боя вместе с боевыми рукавицами и ножами.

В начале тринадцатого года я начал упражняться с настоящим щитом. Рий не стал тренировать Вола, сказав, что ее в авангард никогда не выставят. У меня наоборот. Придется принимать основной удар на себя, а в этом случае без щита, как без рук.

Совмещать щит и один из парных мечей было не сложно, если не учитывать увеличившийся вес, к этому я привык быстро. Но соединение глефы и не очень легкого щита далось трудно. Орудовать двуручным оружием одной рукой было тяжело, а еще и со щитом в другой.

Но, на удивление, Вола не могла пробиться сквозь такую оборону напрямую. Она выигрывала только тогда, когда я обессилев сдавался. Благо Рий сказал, что такая комбинация нужна лишь для сражения в строю. В бою один на один разумно будет использовать комбинацию щита и меча.

В мои четырнадцать лет произошло несколько примечательных событий. Первым оказалось то, что стражи у входа оказываются умеют говорить. На одну из обычных тренировок к мастеру Рию пришло несколько воинов. По броне в них сразу угадывались эти стражи, но они были без шлемов. Оба воина с уважением поприветствовали Рия, как своего учителя. Из их последующего разговора я узнал: страшные стражники — это особая группа воинов, именующих себя храмовниками. Защита прихода и обет молчания являлись частью какого-то ритуала посвящения. И сейчас этим двоим предстояло заменить предыдущих стражей.

Второе событие не было особенным. Джорд и еще часть детей старше шестнадцати покинули

приют. Джорду уже было семнадцать. Меня это никак не касалось, но все равно запомнилось. Все-таки с этим человеком у меня связаны воспоминания, пускай не самые приятные.

И третье, самое важное событие. Свел получил 20 разума, а значит и 20 маны. Однажды придя с тренировки, я увидел довольную, будто у объевшегося рыбкой кота улыбку. Поинтересовавшись о причине и поклявшись никому не говорить о нашем разговоре, я узнал об этой новости.

Из книг я подчерпнул немного информации о магии. Получить 20 маны можно было не только при помощи повышения разума, но и при помощи внешних воздействий, вплоть до насильственного увеличения. Но практически все эти меры могли негативно сказаться на будущем развитии человека, а потому те, кто хотел встать на путь мага были обязаны пересечь черту лишь собственным умом и упорством.

Человек, не преследующий цель стать магом, но умеренно поглощающий знания, преодолевали рубеж в 20-23 года. К ним относились люди знатных родов, представители науки, просто образованный люд и, конечно, воины, для которых сражения стали жизнью.

Среднестатистический маг в среднем преодолевал границу к своему шестнадцати-семнадцатилетию. В основном это отпрыски знати, желающие заполучить больше влияния, ибо маги и чародеи — незаменимые и важные ячейки общества. Помимо них, это могли стать ученые, либо же самородки среди обычного люда, которые были вовремя найдены. В магической среде не поощрялась дискриминация по каким-либо признакам… по крайней мере официально.

И последними были лучшие из лучших. Гении, от природы имеющие гибкий разум и неординарный подход к вещам, и обладающими какими-либо природными талантами в магии. За развитие таких детей брались всерьез с раннего детства. И как итог, они могли приступить к изучению магии еще в начале своего отрочества.

Известно, что младшая дочь нашего короля преодолела рубеж в одиннадцать лет. Невообразимый результат, бесспорно. К сожалению подобное было возможно только в очень обеспеченных семьях. Большинство просто на просто не смогут потянуть расходы на поднятие подобного кадра, пускай и настолько ценного.

Свелу исполнилось тринадцать лет. Поселившись в приюте буквально с младенчества, он был спокойным и тихим, даже немного скрытным мальчиком. Постепенно взрослые подмечали его смекалку, но этого было мало. Имея лишь доступ к книгам, он в одиночку преодолел рубеж в таком раннем возрасте. Это превосходные задатки для будущего чародея. И невообразимый, нет, невозможный результат для простого сироты.

Скрыв от старших свой прорыв, Свел втайне отправил письмо в столицу, башню магии Ультимума. Зачем он это сделал? Если бы Свел раскрылся старшим в церкви, то на следующий день, а может и раньше его бы уже забрали в духовную семинарию. Так он сказал мне. А учитывая его отчуждение по отношению к приверженцам Всевышнего, ему точно этого не

хотелось. Первое письмо было проигнорировано. Тогда Свел написал второе, потом третье и четвертое.

После этого в церковь наконец-то прибыл посланник из башни. Обычный по меркам магов черноволосый мужчина кажется встревожил настоятеля, раз уж он лично провожал его к Свелу. Стоило видеть выражения лица старшего Федора, когда Свел обо всем рассказал. Шок, отрицание, неверие сменилось на гнев. С криком настоятель прошелся по гадкому дитя, который за заботу о себе отплатил монетой обмана. Но на этом его полномочия заканчивались.

В королевстве Ультимум был закон по которому любой человек, подходящий по критериям мог обучатся магии. А сейчас, когда Свел изъявил желание обучаться магии в королевской башне, то ни церковь, никто-либо еще не вправе препятствовать ему в этом.

В этот же день Свел отбыл из приюта ни с кем не попрощавшись. Я один проводил его до ворот прихода и смотрел, как мой единственный друг уезжает к своей судьбе в карете без лошадей.

***

Прошел еще один год. Я вырос и теперь был выше Вола. Не считая длинных волос, мое лицо украсили маленькие усы и щетина, которые приходилось сбривать несколько раз в неделю. Мое тело наконец-то начало свое бурное развитие. Клинок и глефа стали легче, как и кусок железа, по ошибке называемый щитом. Но сила не повышалась в ущерб ловкости. В спаррингах я сражался с Вола, ориентировавшейся на скорость, на равных. В этом году также произошло знаменательное событие, связанное с Далви.

Далви получила возможность обучаться мастерству лекаря. После того разговора в больнице, она всерьез добивалась цели попасть в орден Викталад в качестве помощницы для лекаря. Но получилось даже лучше. Орден набирал послушниц из местных приходов, и когда посланники пришли к нам в Аркен, кандидатура Далви была выдвинута стариком-целителем за ее усердие.

Помню, как она прибежала ко мне прямо на тренировку. Вола помогала мне прокачивать ловкость. Махая длинной деревянной палкой, она пыталась поразить меня всеми возможными ударами. А я, с обнаженным торсом, отпрыгивал и кувыркался, будто ловкое животное. Время от времени прилетали удары. А получать удар деревянным шестом на голое тело было мягко говоря неприятно.

Развернувшись боком, перед моими глазами сверху вниз пролетел шест, и я краем глаза заметил Далви. Топчась на месте, она излучала радость всем своим естеством. Я отвлекся и моим наказанием стал выпад в живот.

— Не зевай, — посоветовала Вола и ушла к Рию, как обычно, ищущего истину в вине. Между Вола и Далви сложились натянутые отношения, поэтому они старались друг друга сторониться.

Потирая место ушиба, я не заметил тень. Далви прыгнула мне на шею и повалила на землю.

Спасибо грунту и зеленой траве, что смягчили это падение.

— Больно же! — проворчал я.

— Я стану ученицей лекаря-мастера! — прокричала она мне под ухо. Рий бровью не повел, а Вола нахмурилась от крика Далви, но последней было плевать. Даже мое тело, залитое потом не отталкивало ее, так сильно она сжала мою шею.

— Далви, пожалуйста, отпусти меня, — негромко прошептал я.

На мне сейчас лежала девушка, а я после тренировки. Все-таки мне не десять лет… Сперва Далви не поняла, что я имел ввиду, но через пару секунд, как ошпаренная отпустила меня и поднялась.

— Я… это… ну… как… — девичье лицо в рассвете молодости залилось пунцовой краской.

Я не поднимался, ждал пока пройдет… Вроде не моя вина, а вроде и моя. В итоге Рий не выдержал и отправил нас куда подальше в некультурной форме. Уходя, я не заметил, что Вола чрезмерно усердно изрезала чучело двумя клинками.

Отойдя от смущения, Далви рассказала мне все в подробностях. Как пришел посланник из ордена. Как старый целитель собрал всех девушек. О его похвале в сторону Далви и многое другое.

Как и со Свелом, вечером я провожал Далви в путь. Правда я был не один. Несколько ее подруг и старик-целитель тоже присутствовали. Перед уходом Далви заключила меня в свои объятия. Много лет зная эту девушку, я не мог понять, когда наши отношения стали больше чем дружескими?

В тот момент, когда она решила попасть в орден из-за меня; после смерти инквизитора; или в тот самый день, когда я впервые увидел ее заплаканное лицо и красивые русые волосы? Без понятия, но я точно знал, что эта девушка мне дорога.

Мы ничего не говорили, просто молчали. Чмокнув меня в щеку, она пошла к ожидающей ее женщине из ордена, но перед там как уйти, развернулась и достала из сумки деревянную статуэтку.

— Я буду ждать тебя, — она помахала фигуркой женщины и подарила мне улыбку, наполненную душевным теплом.

***

Примерно за полгода до моего шестнадцатилетия пришло письмо от старшего Ирона. Оказывается, пьяный мастер писал о наших тренировках. Старший Ирон хвалил меня за успехи в боевом мастерстве. Помимо этого, он указал месяц и неделю, в которую я с Вола должен прибыть в рекрутский лагерь.

Дважды в год орден призывает людей пополнить ряды защитников человечества, но только добровольно. Король Ультимума запретил рекрутировать население насильно, оставив это право армии королевства. На один из таких сборов мы и должны явиться самостоятельно.

Рий также получил письмо. Ибо на следующий день сообщил нам эту новость. Вола, узнав, что только ей ничего не прислали снова обиделась… на нас. Отказываясь понимать причины спонтанных вспышек ее бурных эмоций, я просто продолжал тренироваться пока не наступил этот самый день. День отбытия и прощания с приютом, бывший для меня домом шесть лет.

За день до отбытия, я попрощался со знакомыми в приюте: библиотекарем, сестрами, подругами Далви в лечебнице, стариком-целителем и другими. На следующий день я пришел к настоятелю. Старший Федор прочитал мне проповедь, повторил законы Божьи и в конце благословил меня на бой со злом.

Настоятель всегда серьезно относился к своим обязанностям проповедника, но в этот раз все было по-особому. Казалось, будто слова этого человека льются из глубин души, а голос обретал нотки сакральной чистоты.

В этот день церковь покидало трое людей. Я, Вола и пьяный мастер. „Хочу быть уверенным, что ты, мелочь, сможешь отыскать дорогу в орден“, — такова была причина отъезда Рия, но я не особо верил в нее. Думаю, это была простая отмазка. Пришло много провожающих.

Не считая нескольких взрослых, это были юноши и девушки. И все они пришли к Вола. В отличии от меня у нее не было причин не вливаться в приютский коллектив, так что за это время она завела много знакомств. Пока я общался со старшим Федором, Вола плакалась с подругами и обнималась с парнями, большинство из которых таили влажные мечты. Покончив с мыльной оперой, мы закинули немногочисленные вещи в упряжку. Я занял место кучера, а Вола помогла Рию залезть в повозку.

— Да будет ваш путь освящен бесконечным светом! — произнес настоятель Федор прощальные слова.

Я дернул поводья, и повозка тронулась. Но в воротах, Рий попросил нас остановиться.

— Эй, мелкий, лезь сюда, — произнес он, и я перелез в повозку, сев рядом с Вола. В воротах, как всегда стояли храмовники с льющимся из глазниц шлемов светом. Рий продолжил. — Смотрите и учитесь, как надо прощаться. Стражи! — крикнул он воинам, и они синхронно устремили свой взор на ветерана. — Двое юных бойцов отправляются на бой!

Дунул ветерок. Переложив копье в руку со щитом, освободившейся рукой стражи проделали движение. Прижали руку к поясу, а затем синхронно, сжав ладонь в кулак, ударили себе по груди в области сердца. Металлический звяк необычайно громко эхом отдавал в ушах, на удивление не причиняя дискомфорта.

— Вот это прощание, а не то, что ваши сопли. Ответьте им, — с этими словами Рий повторил движение и стукнул себе по груди. Я и Вола повторили за мастером.

Храмовники никак не отреагировали, но это и не требовалось. Рий сказал мне трогаться, и мы поехали. Пыльные улочки Аркена были полны жизни. Да, не все в этом городе было хорошим. Были нищие и бродяги, воры и преступники, торгующие своим телом женщины, конченные алкоголики.

Но эта была лишь небольшая часть человеческого города. Здесь жило множество людей: купцы, кузнецы и портные, повара, художники и музыканты, стражники, солдаты. На улицах родители отвечали детишкам на их бесконечный ворох вопросов. Скупердяй покупатель покупал овощи у хитрого торговца.

Здесь кипела жизнь. Человеческая жизнь. Выехав за ворота, я оставался все также тверд в своем желании защитить своих близких, человеческую жизнь и все человечество в целом. Я вызвал статус.

http://tl.rulate.ru/book/10009/213641